

Жел. Москва - 1999 - 13 мая - с.6

Шампанское от Ольги Аросевой

Про замечательную книгу замечательной актрисы

Александр ИОРШ

Эдуард ГРАФОВ

Люди бывают — «просто так», а бывают — личности.

В книге Ольги Александровны Аросевой про Ольгу Аросеву есть фотография: «Три сестры — Наташа, Елена, Оля». Лица этих еще даже не подростков хочется разглядывать, разглядывать... Сейчас-то я знаю, что в этих лицах — счастье... на которое вскорости обрушится эпоха.

Почти треть книги Ольга Александровна посвятила детству — папе, маме, сестрам. Вне книги она посвятила любви к ним всю свою жизнь.

Детство Оли получилось на редкость пышное, вплоть до того, что «зачата была в Париже». Обитала исключительно в европейских столицах, папа ведь посол, а если в Москве, то, конечно, в «доме на набережной». Вращался ребенок прямо-таки в антикварном окружении — от В. И. Немировича-Данченко до В. М. Молотова. А с И. В. Сталиным не преминула исторически сфотографироваться, после чего немедленно вступила с любимым вождем в восторженную переписку: «Дорогой товарищ Сталин!».

Вскоре от любимого вождя поступил и «ответ» — папу арестовали и расстреляли. Девочек-сестер успели попрятать родичи «Божественно легкая мама» впряглась в беспросветное горе с тремя детьми. И поплелась на долгие годы нищая жизнь под нависшим дамокловым иггом НКВД. Но убили только папу.

Жесткость жизни по-разному оборачивается — одни становятся еще лучше, другие — еще хуже. Оля рано прошла суровую школу судеб. Душу спасло воспитание семьей. Суть этого воспитания — благорасположение к людям.

Я настаиваю именно на благорасположении к людям. Понимаю, что слова эти могут выглядеть как бы любезной виньеткой, так сказать, уместной похвалой. К тому же сужу со слов самой Ольги Александровны. А чего, дескать, стоит опытной актрисе сыграть для нас роль обворожительной коллеги своих обворожительных коллег в тенетах театра? Вполне посильная задача. Только читателя на козе не объедешь. Так ведь Аросева и не объезжает.

Книга — зеркало без фантазий, всего лишь отражает «чего было». Вранье сразу искажает изображение в том зеркале, и читатель тут же ускользает от автора, оставляя его наедине с лукавством и суетой. Доказательство качеств О. А. Аросевой даже не в том, что режиссер на репетиции закричал на нее: «Не надо ничего изображать! Не играйте добрую и милую! Вы и так добрая...». Оценим педагогический прием утонченного режиссера, а сами двинемся дальше.

Что же дальше? Я, к счастью, не режиссер, мне не надо сусально ублажать подведомственных актрис. Добрая?! Допустим! Я даже готов принять суждение в адрес Аросевой — «влюбленная дружба». Красиво, конечно, однако достаточно соответствует. Но, понимаете ли, какое неудобство, Ольга Александровна в дружбе строга, не юлит приятственными маневрами. Это, знаете ли, действительно большое неудобство. И для нее — тоже.

Она, например, пишет об актрисе: «Из собственных недостатков слепила Сухаревская неповторимую свою индивидуальность». И ниже следуют тончайшие, но, я бы сказал, беспощадные наблюдения — рождения из «недостатков». Знаете, дружба дружбой, но только мудрейшая Сухаревская могла бы такую честную откровенность принять. Пусть даже при резюме: «Она стала такой, какой хотела, в соответствии со своим великолепным вкусом и интеллектом». На мой взгляд, это почтительный комплимент, но как он далек от уютной комплиментарности, к чему весьма склонны театральные мемуаристки.

А сколько в Ольге Александровне восхищенного удивления дарованием ее дорогого друга Анатолия Папанова! Да только куда не денешь и свою боль за его невидимое миру горести. У него, всенародно обожаемого, и невыносимые горести были. Читатель должен такое знать, чтобы дорожить талан-

том еще бережнее. Нет, Ольга Александровна не пишет ничего «публично лишнего». Она сострадает, как может сострадать только безмерно преданный друг.

Но не есть ли в том некая жестокость окаянной справедливости? На Ольгу Александровну ведь лучше не напарываться — даже много не покажется. А уж мало — точно не покажется. Но если в книге нет ни одной строчки, где бы она себя обласкала, то и к другим, полагаю, имеет право быть справедливо откровенной. Судя по книге «Ольга Аросева без грима», чувством справедливости Ольга Александровна не обойдена.

Был у нее долгий разлад с Валентином Плучеком, лет десять ни одной роли не получала. Я неплохо осведомлен о том, как неразборчиво ведут себя актрисы в таких действительно трагических ситуациях. Ольга Александровна выпала из правил в исключение. Какой справедливый портрет Валентина Плучека, мудрого режиссера, она написала. При этом «врубил» себе поболее, чем «обидчику».

Конечно, недолго догадаться: все позади, залижу раны да и приласкаюсь с пользой к хозяину театра. Что ж, похоже на бытские будни в театральных порядках... Но ведь Ольга Александровна точно так же вела себя и в поры «разлада». Так что догадка о нынешнем благообразном покаянии к ней не пристраивается. Справедливость в ней — дело не сезонное, не при случае, чтобы кстати.

Вообще-то Ольга Александровна проговорила: «В детстве я любила просить прощения у всех и клясться стать примерной». С возрастом с этим пришлось посложнее — «характер у меня трудный». Но через много книжных страниц, вернее, через множество лет о Папанове: «Как истинно широкая натура, он любил каяться, виниться...». Как истинно широкая натура! Никуда Ольге Александровне не деться от засеянного в ней еще в детстве родителями благородного чувства вины перед людьми. Как его нам всем не хватает!

А еще книга приносит наслаждение дивным русским языком в изложении чувств и мыслей. Но тут вот что надо благодарно оговорить. Книга написана в соавторстве с Верой Анатольевной Максимовой. Это такие два характера встретились, ума не приложу, как они вместе работали? Проницательный искусствовед, отменный стилист, Вера Анатольевна, предполагаю, обуздывала «шампанское» чувств и суждений вулкана под названием «Аросева». А Ольга Александровна, не иначе, обуздывала осознанную сдержанность Веры Анатольевны, посягающей на «шампанское». Впрочем, кто их знает! Шампанское ведь каждый пьет из своего бокала. Тем не менее совместное «пиршество» удалось!

Что касается ожидаемого сарказма, то уж тут у Ольги Александровны не отнимешь. Тут уж кое-что покрепче шампанского. Естественно, книга расцвечена актерскими небылицами, они же — актерские были. Ах как велик соблазн всевозможных хохм... по обе стороны вкуса. Но потомственная дворянка Ольга Александровна никогда не шутит пониже... ума. Ее иронии изящны, точны. И уместны! Я всегда полагаю, что ирония достойна прежде всего уместностью и тактом. Правда, такта Ольге Александровне иной раз не хватает. Это когда она иронизирует в собственный адрес. Разве можно так язвить все-таки народную артистку?

Как и всякий человек, я — субъективен. Для меня самым главным в книге стало благодарение судьбе. И горестной — тоже. Именно все-таки она, горестная, и породила в Ольге Александровне благодарные людям. Не знаю, и впрямь ли хороших человек больше, чем плохих. Ольге Александровне, если довериться книге, судьба не поскупила на хороших. Видимо, Аросева того достойна.

Книгу предваряет: «С любовью и благодарностью памяти моих родителей посвящаю». Что ж, вполне обиходное чувство. Но не каждому удается пронести его через всю жизнь, не расплескав.

Живите долго, Ольга Александровна, у вас это красиво получается.